

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

СУДЬБА

Только закончив в черновике этот материал для газеты, я поняла, что творческого портрета народной артистки РСФСР Лилии Воробьевой так и не написала. Уж очень трудно мне оказалось отделить сцену от жизни.

Как быстро они мелькнули, 17 театральных сезонов, превратив, казалось бы, совсем незаметно юную выпускницу Пермского хореографического училища в одну из ведущих танцовщиц Свердловского академического театра оперы и балета имени Луначарского, обладательницу почетного звания, актрису в пору творческой зрелости. А ведь вроде совсем недавно была моя первая заметка об очень симпатичной курносой девочке, которая и называлась-то просто: «Лилия», потому что употребление отчества, как и будущее взросление, мерещилось тогда еще очень далеким...

А, может быть, и не надо их разделять—сцену и жизнь? Они так тесно переплетаются!

Была когда-то в свердловском Дворце пионеров педагог Ольга Федотовна Щадных, руководила кружком, детским хореографическим коллективом. Эта миниатюрная женщина была учителем по призванию, причем с очень твердым характером. В маленьких девочках, своих воспитанницах, она безошибочно угадывала будущих балерин. Девочки, вырастая, до сих пор это свято ценят. Так уехала в Пермь будущая народная артистка СССР Нина Меновщикова, и Лиле Воробьевой Ольга Федотовна тоже сказала: «Поезжай в училище!».

Ей вообще везло в жизни на учителей с сильным характером. Может быть, именно это и определило творческую линию судьбы балерины. Она закончила училище по классу ныне знаменитого балетмейстера и педагога Людмилы Павловны Сахаровой, художественного руководителя Пермского хореографического училища, педагога, известного своими жесткими принципами. Так говорят те, кто у нее еще учится. Те же, кого она выпу-

стила в самостоятельный путь, благодарят за то, что, не создавая тепличных условий, научила жить в театре, ожидая от него не только праздника.

Педагог — особый человек в жизни артиста классического балета. Это умное, доброе зеркало, которое и поможет, и подскажет, и проявит точным резцом то, что на первых порах творческой жизни только намечено.

Так вот, педагоги, встретившие Лилию в Свердловске, — Клавдия Григорьевна Черменская, с которой она сделала все свои первые партии, и Людмила Александровна Гусева, с которой работает теперь, — профессионалы высокого класса. «Знаете, — рассказывает Воробьева, — Клавдия Григорьевна умеет видеть и чувствовать целое, выделить главное, а это так важно, особенно в первые годы; Гусева оттачивает детали, мелочи, а ведь в нашем искусстве не бывает мелочей. Со временем это понимаешь все больше и больше».

Да, умный и тонкий педагог — удача в жизни артиста. Но не будем забывать, что в любое зеркало всегда смотрит сам человек, и от того, что он там видит и как он умеет смотреть на себя, во многом зависит, поймает ли он «синюю птицу» театрального счастья.

Наверное, Воробьева могла бы довольно долго успешно жить за счет того, что ей было отпущено самой природой, хорошей школой. И сейчас кажется, что некоторые ее работы словно «запрограммированы» именно на эту актрису. Например, Лиза в «Тщетной предосторожности» — прелестная, лукавая, искрящаяся радостью юности. Или Ева в «Сотворении мира». Смешная и трогательная поначалу, она на наших глазах превращается в женщину прекрасную, взрослую, мудрую в своей проснувшейся любви. А Смеральдина в «Слуге двух господ»! Грани комедии, юмор, озорство явно были красками, близкими актрисе.

Для начинающей Воробьева была на редкость хорошо обучена, она дружила с танцем. Но если бы Лилия поверила, что может только отдавать свое, не было бы ничего

остального. Точное осознание своих возможностей не менее важно для актера, чем природные способности.

Воробьева не все могла и, к счастью, понимала это. И работала. Фраза эта выглядит банальностью, но по отношению к классическому балету не устаревает ее вечный, исконный смысл.

В былые годы я бы не угадала в Воробьевой Сильфиды. Сегодня эта грустная, трепетная, волнующая история рассказана мастером, ощущающим тонко и глубоко стиль танца, аромат, душу старинного воздушного балета, каким является «Сильфида».

А Китри в «Дон Кихоте»! Воробьева, такая — не испанка и такая испанка по звонкости танца, четкости и яркости акцентов, графичности жестов.

Это серьезные работы, говорящие о зрелости, да и как иначе, если речь идет о балерине, станцевавшей сегодня в «Щелкунчике», «Золушке», Джульетту в «Ромео и Джульетте», Жизель, репетирующей Аззурру в «Спящей красавице»...

Семнадцать сезонов... Жизнь балетного актера так быстротечна! Лилия вступила в ту пору, когда каждый год на вес золота, и очень хочется, чтобы время это оказалось творчески полновесным, чтобы она еще и еще раз радовала на сцене нас, зрителей.

Экзамены сдаются не только в школе. В театре их держат каждый день, так же, как, впрочем, и в жизни. И я не могу не сказать, что и этот экзамен Лилия Воробьева тоже держит достойно. Во всем. В том числе в трудных жизненных обстоятельствах, которые пришли к ней сейчас. Несчастье у близких родственников пришло в семью этой хрупкой изящной женщины, занятой работой, собственным сынишкой — четвероклассником, еще двоих детей...

Но ведь я говорила, что Воробьевой везло на учителей с сильным характером. Она и в этом их ученица, ставшая взрослой.

А. ЛАПИНА.

На снимке: народная артистка РСФСР Л. Воробьева.

Фото В. ВЕТЛУГИНА.

